

Т. В. Андреева

Вопрос о независимости Греции во внешней политике России в первой четверти XIX в. и М. М. Сперанский*

Вопрос о независимости Греции был одним из важнейших в европейской балканской политике всю вторую половину XVIII — первую треть XIX в. Греческая революция 1821–1829 гг. стала заключительным этапом долговременного процесса национального возрождения Эллады, тесно связанного с борьбой геополитических и экономических интересов ведущих европейских стран — Англии, Франции, России и Австрии. Активную и сильную позицию в греческом вопросе занимала Россия, стремившаяся не только реализовать национально-освободительные устремления греков, но прежде всего решить свои государственные задачи. Стратегической целью российского правительства во внешней политике на Балканском полуострове всегда было укрепление державного могущества империи, а проект освобождения греков от турецкого ига и создания независимого греческого государства являлся составной частью программы решения в целом Восточного вопроса. Однако в разные эпохи тактические инструменты ее достижения были различными. В начале 1820-х гг. произошла очередная смена официальной концепции реализации «греческого дела», в формировании которой принимал участие М. М. Сперанский.

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 23–28–00769 «Документальная память российской государственности: кейс Сперанского. Новые подходы к изучению рукописного наследия».

Победные условия русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., прочно связавшие историческую судьбу Греции с Россией, а также необходимость усиления российских позиций на Ближнем Востоке путем выхода к Средиземному морю предопределили покровительственную политику Екатерины II в отношении греков, вероисповедную и социальную поддержку христианского населения Оттоманской Порты. В огромной мере это было связано с масштабным и долгосрочным Греческим проектом императрицы, направленным на полную ликвидацию османского господства в Европе. В конце 1760-х — начале 1780-х гг. проект обусловил не только дипломатическую подготовку реализации идеи создания независимого греческого православного государства, но и первую Средиземноморскую, или Архипелагскую экспедицию российского флота 1769–1774 гг. во главе с А. Г. Орловым, способствовавшую эскалации антитурецкого восстания в Пелопоннесе в 1770 г. По меморандуму 1782 г. предполагалось, что Греческая империя, помимо Греции, будет включать Болгарию, Македонию, Молдавию, Валахию и Бессарабию. Изменившаяся международная ситуация конца 1780-х — начала 1790-х гг. демпфировала проект Екатерины II, отодвинув греческий вопрос на второй план внешней политики России¹, но принципы наследственной монархии сохранили его актуальность в царствования Павла I и Александра I. При этом как на «границах веков», так и в первой четверти XIX в. решение данного вопроса определялось изменениями внешнеполитической доктрины, прежде всего ее идеологической составляющей.

В контексте второго периода внешней политики Павла I, основанной на концепции самодостаточности России и ее независимости от Западной Европы, доминирования национальных интересов над европейскими и направленной на нейтралитет в международных отношениях на Востоке, можно рассматривать совместное участие Российской и Османской империй во второй антифранцузской коалиции 1798–1799 гг. Третий период (1800–1801 гг.) характеризуется кризисом коалиции в силу внутренних противоречий и разногласий геополитических интересов ее субъектов, а также новым внешнеполитическим курсом России, связанным с поисками восстановления союзнических отношений с Францией в противовес агрессивной Англии. Меморандум Ф. В. Ростопчина, лежащий в его основании, предполагал кардинальное решение Восточного вопроса путем раздела владений Османской империи между Россией, Францией, Пруссией и Австрией. Греция с ее островами была бы объявлена под защитой всех четырех указанных держав².

В царствование Александра I происходила постоянная трансформация политики в отношении Греции, существовало несколько ее моделей, исходя из подвижности идеологической концепции и социально-политической доктрины решения греческого вопроса, связанных с международной ситуацией и характером отношений с западными партнерами. Наибольший вклад в изучение в целом балканской составляющей во внешней политике России первой четверти XIX в. и ее роли в освободительной борьбе греков внесли классические

работы советских историков О. Б. Шпаро, А. В. Фадеева, И. С. Достян, а главное — труды выдающегося эллиниста Г. Л. Арша³. Однако тема включенности М. М. Сперанского после его возвращения из Сибири в решение проблемы освобождения Греции до сих пор не была предметом специального исследования. В данной статье предпринята попытка выявить объективные и субъективные факторы, идеологические и внешнеполитические причины неустойчивой позиции Александра I применительно к Греции, изучить отношение к греческому вопросу М. М. Сперанского и определить роль реформатора в создании программных документов, направленных на его решение.

После Венского конгресса, стремясь реализовать идею «объединенной Европы», Александр I инициировал создание 14 сентября 1815 г. Священного союза, важнейшими принципами которого определялись объединение европейских народов на основе христианской веры⁴ и утверждение приоритета общеевропейских и общехристианских ценностей по сравнению с национальными⁵. Для российского императора, смотревшего на себя, по словам австрийского дипломата Ф. Гёнтца, «как на основателя Европейской федерации» и желавшего, «чтобы на него смотрели как на ее вождя»⁶, политическая философия Союза, а также изменившиеся после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. геополитические условия, согласно которым Российская империя получила право покровительства над турецкими христианскими подданными, ставили вопрос о вероисповедной и социальной поддержке греческого населения Оттоманской Порты. Однако связанный союзными легитимистскими обязательствами и опасавшийся вмешательства европейских держав в российско-турецкие взаимоотношения Александр I не мог оказывать поддержку открыто и одобрил предложение своего статс-секретаря по иностранным делам, «поверенного в делах греков» при Российском дворе И. А. Каподистрии производить политическую и финансовую помощь греческому освободительному движению в завуалированной форме посредством эмиссаров, денежного и административного содействия деятельности тайного общества «Филики Этерия»⁷. Согласно «Записке о служебной деятельности», составленной И. А. Каподистрией в 1826 г. для Николая I, в 1818 и 1820 гг. он встречался с видными членами общества⁸, которые получили от правительства России внушительные суммы для покупки оружия. Содействовали подготовке антитурецкого восстания в Дунайских княжествах, вероятно с ведома верховной власти, южные военачальники и администраторы. 4 марта 1821 г. новороссийский генерал-губернатор А. Ф. Ланжерон сообщал начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву, что «выдал более 300 паспортов тем, которые отправляются выступить в отрядах Ипсиланти»⁹.

Но уже в начале 1820-х гг. изменение идеологической парадигмы внешнеполитического курса России, связанное с европейскими революциями и «натиском» Европы, обусловило смену покровительственной греческой политики России на нейтральную позицию. Известие о восстании в Молдавии Александр I получил 25 февраля 1821 г. на конгрессе Священного союза в Лайбахе

(Любляне) из всеподданнейшего письма от 24 февраля того же года самого руководителя восставших и своего бывшего флигель-адъютанта А. К. Ипсиланти. Греческий патриот призывал российского императора стать «Освободителем Греции» и просил о военной помощи, т. е. о начале военных действий против Турции. Однако, хотя общественное мнение России было на стороне греков, этого не произошло. Российское правительство заявило о своем намерении соблюдать нейтралитет в отношении греческих событий. В письме к А. К. Ипсиланти от 2 марта 1821 г., составленном И. А. Каподистрией, от имени Александра I подтверждалось право греков на освобождение, но отвергались насильственные, революционные методы его достижения. Вождь греческой освободительной борьбы был уволен с военной службы Российской империи, а вскоре, 7 июня 1821 г., его отряд разбили турки, вторгшиеся в Дунайские княжества. А. К. Ипсиланти бежал в Австрию, где был схвачен и заключен в крепость. Освобожденный в 1827 г. благодаря вмешательству Николая I, он скончался 31 января 1828 г. в Вене. Само же восстание послужило толчком для революции в Греции, которая длилась восемь лет, с 1821 по 1829 г., имела четыре этапа и завершилась в 1831 г. утверждением международно-правового независимого статуса греческого государства¹⁰.

Что же касается Александра I, то, имея два альтернативных пути выхода из греческой ситуации — либо помочь единоверцам и тем самым содействовать революции против «законной» власти в лице султана Махмуда II, либо в обще-европейских интересах предоставить греков их собственной участи и таким образом стабилизировать социально-политическую обстановку на Балканах, он выбрал второй путь, который вполне отвечал политической идеологии Священного союза. Не вызывает сомнений, что нейтральная позиция российского императора явилась реакцией на эскалацию революционного процесса в Европе. Военные революции в Испании, Португалии, Пьемонте, Неаполе, греческое восстание, дестабилизирующие систему европейского равновесия, все больше превращали Священный союз в важнейший инструмент борьбы с антимонархическими и национально-освободительными движениями, утверждали в сознании монархов-союзников и прежде всего Александра I мифологему «всеевропейского заговора революционеров»¹¹. В письме А. Н. Голицыну из Лайбаха от 10 марта 1821 г. по поводу восстания под руководством А. К. Ипсиланти император писал: «Нет никаких сомнений, что побуждение к этому возмущению было дано тем же самым центральным распорядительным комитетом <...> в Париже с намерением устроить диверсию в пользу Неаполя и помешать нам разрушить одну из этих синагог Сатаны, устроенную с единственной целью: проповедовать и распространять антихристианское учение. Ипсиланти сам пишет в письме, обращенном ко мне, что принадлежит к секретному обществу, основанному для освобождения и возрождения Греции. Но все эти тайные общества примыкают к парижскому центральному комитету»¹². Именно на Лайбахском конгрессе были подписаны новые¹³ секретные протоколы, которые

санкционировали право вмешательства субъектов Священного союза во внутренние дела стран, в которых возникла революционная ситуация, хотя для интервенции требовался официальный «призыв о помощи»¹⁴.

Однако усиление геноцида православного населения в Османской империи, убийство в первый день православной Пасхи, 10 апреля 1821 г., патриарха Григория V и всего Синода греческой Константинопольской церкви способствовали радикализации российской политики в отношении Греции, очередной смене тактических установок, дали веский аргумент в пользу решения «греческого дела» военным путем. Через посла в Константинополе Г. А. Строгонова 16 июня 1821 г. Александр I послал ультиматум Порте, 4 июля того же года российское посольство покинуло турецкую столицу, 8 августа дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны. При этом российский император рассчитывал, что секретные протоколы конгрессов Священного союза в Ахене и Лайбахе обеспечат общую санкцию европейских союзников на российское вмешательство во внутренние дела Порты в защиту ее православных подданных, т. е. на войну России против Турции. Но такой санкции он не получил. Более того, английский премьер-министр Дж. Каннинг, выражая точку зрения главных членов Союза, подчеркивал, что предполагаемое русское вмешательство в конфликт между Турцией и Грецией противоречит союзным принципам¹⁵.

Здесь следует подчеркнуть, что официальные документы и источники личного происхождения свидетельствуют, что греческий вопрос был одним из важнейших в политическом мировоззрении М. М. Сперанского. В описи бумаг, переданных Александром I реформатору после его возвращения из Сибири 24 марта 1821 г., значатся две утраченные записки «Записка о делах в Турции» и «Записка о военных, политических и коммерческих выгодах России перед Турцией»¹⁶. Судя по дневнику «возвращения» М. М. Сперанского, после приезда 26 мая 1821 г. Александра I в Петербург с конгресса в Лайбахе, уже с 9 июня того же года начинается их постоянная совместная работа по поиску решений внутренних и внешнеполитических проблем. Весной, летом и ранней осенью это происходило в Царском Селе или на Каменном острове, а осенью и зимой — в Зимнем дворце. О востребованности М. М. Сперанского Министерством иностранных дел свидетельствует повеление Александра I К. В. Нессельроде, чтобы он постоянно консультировался с реформатором. В дневнике М. М. Сперанского 31 августа 1821 г. записано: «О сношениях с Нессельродом по делам рекомендовано продолжать сии сношения», а в записи от 8 сентября того же года сказано: «После обеда разговор с гр. Нессельродом. На вопрос мой он дал мне разъяснение, что сносится со мною по выс[очайшему] повелению». Тогда же, в процессе обсуждения с министром иностранных дел депеши К. Меттерниха о греческих делах, «было установлено две истины: 1) что Порта сама причиною затруднений, ибо она простое смятение превратила в войну религиозную^a и угрожает людям полным уничтожением из-за их эмиграции^a

^{a-a} Перевод с фр. С. К. Лебедева.

<...> 2) Здесь же обнаружено, что было от Австрии, действительно, предложено учредить конгресс в Вене. Наш ответ состоял в том, что ^а-император не может доверить столь высокий интерес полномочному представителю и не может сам при теперешних обстоятельствах приехать, предложено вследствие этого открыть конгресс в России^а»¹⁷. Как известно, союзники отказались от проведения конгресса Священного союза в Петербурге, что было вполне предсказуемо.

Тем не менее, поскольку вопрос об освободительном движении в Греции задевал геополитические и экономические интересы ведущих стран — членов Союза, прежде всего Австрии и формально не входящей в него Англии, то Греция стала предметом их особого внимания на конгрессе в Ганновере (20–29 октября 1821 г.), но без участия России, скорее всего, намеренного. Итогом форума стала единодушная установка союзников не допустить русско-турецкой войны. Пытаясь сдерживать усиление российского влияния на Балканах, правительства ведущих европейских держав опасались появления независимого греческого государства, что могло привести к доминированию России в регионе Восточного Средиземноморья и усилению торговой конкуренции греков и россиян, желали сохранить status quo. Эти проблемы являлись, вероятно, предметом постоянных бесед М. М. Сперанского с И. А. Каподистрией в сентябре — октябре 1821 г. во время прогулок или обедов в Царском Селе. Как указывал реформатор в дневнике, разговоры были «одного и того же цвета» — внешняя политика России, «дела турецкие», диссонанс между интересами российской промышленности и торговли и ее внешнеполитическими приоритетами. Статс-секретарь по иностранным делам был недоволен «демонстрацией давления» России в восточных делах в контексте российско-персидского противостояния, а также «возражениями» на его мнение М. М. Сперанского¹⁸.

Последний Веронский конгресс Священного союза (20 октября — 14 декабря 1822 г.) формально был посвящен испанским делам. 19 ноября 1822 г. в Вероне союзными государствами, кроме Англии, были подписаны новые секретные протоколы. Однако «греческое дело» оставалось в зоне пристального внимания европейских монархов и политиков. К этому времени революция, полыхающая в самой Греции, увеличила пропасть, существующую между освободительными мечтами Александра I и революционной реальностью. Ведь война с Турцией из-за «мятежных греков» означала бы нанести удар по легитимистским принципам Союза. Во время конгресса, в октябре 1822 г., на вопрос полномочного представителя Франции Ф. Шатобриана о греках Александр I сказал: «Я должен был первым показать свою приверженность принципам, на которых я основал Союз. Случай представился: греческое восстание. Ничто, казалось бы, не могло более быть в моих интересах, в интересах моего народа, в соответствии с мнением моей страны, чем религиозная война против Турции, но я заметил в волнениях, которые происходили на Пелопоннесе, знак революции. Итак, я остался в стороне»¹⁹. Подобный выбор российского императора,

^{а-а} Перевод с фр. С. К. Лебедева.

т. е. отказ от тактики военного решения греческого вопроса, вполне отвечал интересам союзников, особенно Австрии. Поэтому неудивительно, что его подержал К. Меттерних. В меморандуме 1822 г. по поводу Греческой революции австрийский канцлер подчеркивал: «Решение России направлено на поддержание в неприкосновенности политической системы, чья единственная предпосылка сегодня — спокойствие Европы и сохранение социального порядка»²⁰.

Что же касается М. М. Сперанского, то он, как и большинство соотечественников, надеялся, что Россия встанет на защиту единоверцев и начнет войну с Турцией, и с сожалением констатировал в письме от 19 декабря 1822 г. своему зятю А. А. Фролову-Багрееву: «Мы ожидаем государя не прежде как к концу января. Дела греческие, кажется, останутся в прежнем положении так, как и вообще значительных перемен в Европе, по-видимому, не будет. Слухи о войне были пустые»²¹. Подобная позиция реформатора вполне отвечала его западническим культурным приоритетам. Ведь для всей Европы Греция являлась колыбелью западной цивилизации, европейцы считали греков прежде всего христианами. Под давлением филэллинизма европейского общественного мнения с 1824 г. Франция стала помогать революционной Греции, субсидируя ее армию, а Англия с 1825 г. финансово поддерживала и контролировала греческий флот.

В это же время очередной раз изменилась российская тактика решения греческого вопроса, направленная на урегулирование греко-турецких отношений и установление мира в регионе дипломатическими средствами. Смена тактической установки греческой политики во многом была обусловлена усилением негативного отношения к ней российского общества, утратой Россией социально-экономического и торгового влияния на Балканах, а также кризисом Священного союза как инструмента борьбы с революционным и национально-освободительным движением в Европе. Еще в 1822–1823 гг. началась дипломатическая подготовка «греческого возрождения», с Лондоном, Парижем, Веней, Берлином велась переписка о «будущей судьбе греков» и давлении на Порту. 8 мая 1822 г. М. М. Сперанский зафиксировал в своем дневнике, что во время работы с императором на Каменном острове пришло «известие из Константиноп[оля] от аглинского посла о податливости Порты»²². Умеренная линия России в отношении Греции после встречи Александра I и Франца I 16 октября 1823 г. в Черновцах была закреплена возобновлением дипломатических отношений с Турцией и территориальными уступками ей в Дунайских княжествах.

9 января 1824 г. союзным дворам была разслана «Записка об умиротворении Греции» (*Mémoire sur la pacification de la Grèce*), так называемый «Мемуар», явившийся первым конкретным планом достижения автономии Греции. Есть документальные основания предположить, что в его подготовке в 1822 г. принимали участие И. А. Каподистрия и М. М. Сперанский. Это находит подтверждение в дневнике реформатора. Во-первых, согласно записи от 4 ноября

1821 г., Александр I, вероятно, чтобы связать их политическое мировоззрение еще крепче, повелел реформатору «перейти в комнаты Каподистрии» в Зимнем дворце. Во-вторых, 21 января 1822 г. М. М. Сперанский записал: «Отослана к Каподистрии бумага le memoire sur l'interpretation de Partie du Traité du Gand»²³. Речь шла о знаменитом Гентском мирном договоре между Британской империей и США, подписанном Георгом V и Дж. Адамсом 24 декабря 1814 г. в Генте, положившем конец англо-американской войне 1812 г. и восстановившем довоенные границы. Что касается бумаги об интерпретации части договора, которую реформатор отправил статс-секретарю, то, вероятно, она касалась признания Англией экономической независимости США. Надо думать, данный договор был необходим как модель для создания схожего дипломатического документа, исходящего от Российского правительства относительно греко-турецкого конфликта.

Но главное — о причастности И. А. Каподистрии и М. М. Сперанского к созданию «Мемуара» свидетельствует документ на французском языке под названием «Conversation d'adieu de Capodistria. Прощальная беседа Каподистрии, касающаяся урегулирования греко-турецких отношений» от 7 августа 1822 г. Причем от этого же числа в дневнике реформатора на полях записано: «Прощание с Каподистрия у меня. Краткая история его увольнения», хотя сама история не представлена²⁴. Можно только предположить, что аудиенция Александра I И. А. Каподистрии, которая состоялась накануне, и отставка статс-секретаря были связаны с реализацией «Мемуара», в связи с чем возникла необходимость его нахождения в Греции. Компромиссный, предлагающий несколько вариантов урегулирования греко-турецких отношений и предназначенный, вероятно, для императора, проект И. А. Каподистрии в отдельных частях, вероятно, лег в основу «Мемуара». Привожу полную запись М. М. Сперанского в переводе с французского языка Н. В. Кирющенко:

«На полях: Прощальная беседа Каподистрии 7 августа 1822.

Положение Турции. Разместить на Дунае внушительную силу и выступить посредником между греками и турками: сказать первым успокоиться, я добьюсь для вас существования не свободного и независимого, но удобного под защитой притеснителей и благоприятного для развития ваших просвещения и промышленности. Если через переговоры не удастся, я добьюсь это оружием, и тогда вы будете действовать со мной. Того же языка придерживались бы и чиновники. Сказать туркам, что я не хочу расчленения вашей империи, но не позволю нарушать мои соглашения и достигнутые ценою крови и пятидесятилетней войны выгоды. Согласовать с греками терпимое существование и восстановить отношения с вами на прежних правах, и будем дружить, или я вас заставлю моим оружием. Сказать европейским державам: я хочу поддержать турок потому, что их соседство меня устраивает, но не позволю, чтобы вмешивались в мои отношения с Портой. Если я возьму на дюйм территории больше, чем у меня есть: рассматривать это как объявление войны всей Европе.

Антитеза. Первая часть. Я ничего не хочу предпринимать против турок, кроме как с общего согласия. Ведите переговоры и, если вы добьетесь успеха, я был бы вам в этом благодарен — вот основа переговоров.

Вторая часть. Поскольку переговоры ничего не дают, нужно действовать: какой позиции вы будете придерживаться в случае войны — нейтралитет, но мы будем изменять ваши основы, и после того, как их изменим, мы завладеем вопросом, а вы останетесь смиренным наблюдателем наших действий.

На полях: предложение Австрии согласно переговорам Татищева.

Третья часть. С этим нельзя согласиться. Вот мои предположения: чтобы Англия действовала со мной, и мы ограничим турок. Эта империя уже рушится, нужна, действительно, жертва. Я предлагаю также действовать с ней для ограничения Испании. С этими последними предложениями не согласится Англия. Осталось узнать, что из этого получится»²⁵.

В самом «Мемуаре» от имени Александра I также предлагалось компромиссное решение греческого вопроса, которое удовлетворяло бы интересам «турок, греков и Европейского союза». Как подчеркивалось в документе, борьба между турками и греками, т. е. Греческая революция, «может иметь два исхода: либо греки сохранят в будущем ту своеобразную независимость, какую они уже обрели, либо будут покорены оружием». Но, поскольку Турция никогда не признает в каком-либо формате политическую независимость Греции, а «греки в свою очередь не согласятся вернуться в то состояние, в каком они находились по отношению к Порте до войны»²⁶, то на данном этапе «решение проблемы может быть лишь промежуточным», «компромиссным», возможен только промежуточный вариант греческой независимости. Предполагалось разделить материковую Грецию на три самоуправляющихся княжества, подобно Дунайским, при сохранении сюзеренитета Порты над греческой территорией с уплатой ей ежегодно дани. Первое княжество включало бы Восточную Грецию (Фессалию, Беотику, Аттику), второе «состояло бы из бывшего Венецианского побережья, не отошедшего к Австрии, а также из Эпира и Акарнании», т. е. Западной Греции. В состав третьего княжества должны были войти территории Южной Греции — Морея и остров Кандия (Крит). Имеющие вероисповедную независимость, не зависящие от Турции в своей экономической и торговой деятельности, а также административном управлении, княжества должны были находиться под защитой международного права. В завершении подчеркивалось: «Таковы принципы, руководствуясь которыми, как полагает Российский кабинет, можно было бы приступить к делу умиротворения Греции»²⁷.

«Мемуар», разосланный европейским дворам, должен был стать предметом обсуждения союзников на Петербургской конференции. В разъяснительных письмах указывалось на настоятельную необходимость принять предложения России, а также признать возможными совместные «демарши, имеющие целью заставить турецкое правительство согласиться с принципами коллективного вмешательства в дела Греции», согласно секретным протоколам Веронско-

го конгресса Священного союза. Между тем Англия потребовала обнародовать «Мемуар» и переслать его греческому правительству. В июне 1824 г. это было сделано, что вызвало бурное неудовольствие греков, а греческие власти выступили с протестом. С февраля по апрель 1825 г. длилась конференция в российской столице послов Франции, Австрии и Пруссии (Англия отказалась участвовать), которые, вероятно, получили инструкции лишь затягивать дело. Затяжные бесплодные петербургские переговоры продемонстрировали не только нежелание европейских кабинетов «умиротворить Грецию» и создать греческую государственность «руками» России, но главное — отражали крах императорской утопии «объединенной Европы» и кризис Священного союза. В результате Александр I отказался от общеевропейской политики. В инструкции К. В. Нессельроде российским послам в европейских столицах от 6 августа 1825 г. объявлялось о прекращении обсуждения с правительствами греческого вопроса, «что впредь бесполезно будет вступать в новые объяснения с союзниками о турецких делах» и подчеркивалось, что отныне Россия более не станет обращаться «к совету Европы», а будет действовать в соответствии только со своими национальными интересами, «исключительно следовать своим собственным видам»²⁸. Начались прямые переговоры с Портой, которые вел в Константинополе назначенный 28 августа 1825 г. послом в Турцию гр. А. И. Рибопьер.

Однако, разорвав узы Священного союза, Александр I вскоре пришел к убеждению, что Российская империя не сможет действовать самостоятельно. Это обусловило сепаратные переговоры по «греческому делу» летом — осенью 1825 г. с новым английским послом лордом А. Стратфордом-Каннингом и новое сближение с Англией. Постоянные колебания и изменение тактики в александровское царствование затягивали решение греческого вопроса. И только в правление Николая I российская политика в отношении Греции приобрела устойчиво самостоятельный характер и была направлена на создание греческой государственности, которая стала геополитическим итогом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. По Адрианопольскому мирному договору от 2 сентября 1829 г. Греция получала автономию, Оттоманская Порта признавала ее как государство, хотя вопрос о том, вассальное оно или независимое, со стороны Турции оставался еще открытым²⁹.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Вопрос о независимости Греции во внешней политике России первой четверти XIX в. был подчинен стратегической цели укрепления державного могущества Российской империи и решения в целом Восточного вопроса.
2. При всех особенностях и отличительных чертах тактики реализации «греческого дела» в царствования Екатерины II, Павла I и Александра I прослеживается определенная преемственность в балканской политике, направленной на вероисповедную и торговую экспансию на Балканы.

В этом контексте освобождение греков от турецкого ига и возрождение греческого государства являлось составной частью программы политического и социально-экономического развития Балканского региона как форпоста России на юго-востоке Европы.

3. Неустойчивая позиция Александра I в отношении Греции была обусловлена как объективными, так и субъективными факторами, при доминировании первых. В ее основе лежали идеологические и внешнеполитические причины. Однако это не было «греческим фиаско» российского императора, постоянную смену официальных тактических установок решения греческого вопроса определяли изменения в международной ситуации, сложности дипломатической конъюнктуры, а главное — объективные задачи государственной политики.
4. Определенное влияние на непоследовательность греческой политики России в первой четверти XIX в. оказал субъективный фактор, т. е. неоднозначность личности Александра I, склонного к неожиданной и резкой смене политического курса.
5. Греческий вопрос сыграл важную роль в процессе возвращения М. М. Сперанского на правительственный Олимп России в начале 1820-х гг., что нашло отражение в возможном участии реформатора в создании программного документа, направленного на его решение.

¹ *Ари Г. Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 19–32, 35–53.

² *Мецержакова А. О.* Внешняя политика Павла I и идея «Русского Константинополя» // Русско-византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 39–44.

³ *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. 1821–1829. М., 1965; *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX века. М., 1958; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972; *Ари Г. Л.* 1) Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976; 2) Греческий вопрос во внешней политике России (1814–1820 гг.) // История СССР. 1978. № 3. С. 144–168; 3) Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.

⁴ В первоначальном варианте акта Священного союза стояло выражение «единая христианская нация», но под воздействием Франца I и Фридриха-Вильгельма III, а главное — К. Меттерниха оно было заменено на «единый народ христианский». См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. первая. Т. 8. Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. М., 1972. С. 504–505.

⁵ *Орлик О. В.* «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 44–68.

⁶ Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 219–220.

⁷ Сам И. А. Каподистрия как умеренный либерал дважды отвергал предложения членов «Филики Этерия» стать во главе общества и в целом греческого освободительного движения, считая, что революционные действия приведут Грецию к бедствиям. См.: *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 116, 294.

- ⁸ И. Каподистрия. Записка о служебной деятельности // Сборник ИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 225–226; *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 44–46.
- ⁹ Цит. по: *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 51.
- ¹⁰ *Арш Г. Л.* Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и судьбы // Россия и Греция: История и современность. М., 2008. С. 27–28.
- ¹¹ *Андреева Т. В.* Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 25–34.
- ¹² Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 558.
- ¹³ Первые секретные протоколы о праве вмешательства союзников во внутренние дела европейских стран в случае возникновения там революционной ситуации были подписаны главами России, Франции, Австрии, Пруссии в 1818 г. на конгрессе в Ахене. См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. 1815–1830 гг. Т. 2 (10). М., 1979. С. 431–432.
- ¹⁴ Там же. Т. 4 (12). М., 1981. С. 591.
- ¹⁵ *Арш Г. Л.* Греческий вопрос во внешней политике России (1814–1820 гг.). С. 144–168.
- ¹⁶ Опись документам, возвращенным М. М. Сперанскому из кабинета Александра I. Писарская копия // ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 47. Л. 60 – 60 об.
- ¹⁷ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. 24 марта 1821 г. – 21 апреля 1828 г. Автограф чернилами // Там же. Д. 42. Л. 2 – 7 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 10, 11 об., 13 – 13 об., 16.
- ¹⁹ Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 295–296.
- ²⁰ Цит. по: *Рахмиров П. Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 206.
- ²¹ Письма (14) черниговскому гражданскому губернатору, сенатору, зятю М. М. Сперанского А. А. Фролову-Багрееву. 18 марта 1822 г. – 17 февраля 1823 г. Автографы чернилами // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1962. Л. 17 – 17 об.
- ²² *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 53 об.
- ²³ Там же. Л. 21 об., 39 об.
- ²⁴ Там же. Л. 62 об.
- ²⁵ Conversation d'adieu de Capodistria. Прощальная беседа Каподистрии, касающаяся урегулирования греко-турецких отношений. 7 августа 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 888. Л. 1 – 2 об.
- ²⁶ В дневнике М. М. Сперанского есть почти дословное воспроизведение этой мысли. В записи от 17 ноября 1823 г. сказано: «Предмет миссии константинопольской есть negotiation между турками и греками. Турок уговорить не трудно, но греки едва ли согласятся быть полусвободными без гарантии» (*Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 91 об.).
- ²⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Январь 1823 г. – декабрь 1824 г. Т. 5 (13). М., 1982. С. 314–319.
- ²⁸ *Гуткина И. Г.* Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за национальную независимость (1823–1826 гг.) // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 288. Л., 1966. С. 158.
- ²⁹ *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 503–508.

References

ANDREEVA T.V. *Aleksandr I i mifologema "vseevropetskogo zagovora revolyutsionerov"* [Alexander I and the mythologeme of the "All-European conspiracy of revolutionaries". In Russ.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. Ser. 2. Istoriya. Vyp. 4. S 25–34.

ARSH G. L. *Grecheskaya revolyutsiya 1821–1829 gg.: lyudi i sud'by* [The Greek Revolution of 1821–1829: people and destinies. In Russ.] // *Rossiya i Gretsiiya: Istoriya i sovremennost'*. Moscow, 2008. S. 27–28.

ARSH G. L. *Grecheskii vopros vo vneshnei politike Rossii (1814–1820 gg.)* [The Greek question in Russia's foreign policy (1814–1820). In Russ.] // *Istoriya SSSR*. 1978. No. 3. P. 144–168.

ARSH G. L. *Ioann Kapodistriya i grecheskoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie. 1809–1822*. Moscow, 1976. (In Russ.).

ARSH G. L. *Rossiya i bor'ba Gretsii za osvobodzhenie: ot Ekateriny II do Nikolaya I. Ocherki* [Russia and Greece's struggle for liberation: from Catherine II to Nicholas I. Essays. In Russ.]. Moscow, 2013.

DOSTYAN I. S. *Rossiya i balkanskii vopros: Iz istorii russko-balkanskikh politicheskikh svyazei v pervoi treti XIX v.* [Russia and the Balkan Question: From the history of Russian-Balkan political relations in the first third of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1972.

FADEEV A. V. *Rossiya i vostochnyi krizis 20-kh gg. XIX veka*. [Russia and the Eastern crisis of the 20s of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1958.

MESHCHERYAKOVA A. O. *Vneshnyaya politika Pavla I i ideya "Russkogo Konstantinopolya"* [Foreign policy of Paul I and the idea of "Russian Constantinople". In Russ.] // *Russko-vizantiiskii vestnik*. 2020. No. 1 (3). P. 39–44.

NIKOLAI MIKHAILOVICH, vel. kn. *Imperator Aleksandr I: Opyt istoricheskogo issledovaniya*: v 2 t. T. 1. St. Petersburg, 1912. (In Russ.).

SHPARO O. B. *Osvobodzhenie Gretsii i Rossiya. 1821–1829* [Liberation of Greece and Russia. 1821–1829. In Russ.]. Moscow, 1965.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Андреева. Вопрос о независимости Греции во внешней политике России в первой четверти XIX в. и М. М. Сперанский // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 126–139

Аннотация: В статье анализируется процесс трансформации российской политики в отношении Греции в 1821–1825 гг. Позиция Александра I применительно к восстанию под руководством А. К. Ипсиланти в Молдавии и революции в самой Греции исследуется в динамике, контексте революционных событий в Европе и тесной связи с усилением либеральной парадигмы в России. Особое внимание уделено выявлению объективных и субъективных факторов, определению идеологических и внешнеполитических причин неустойчивой позиции российского императора в отношении Греции, рассмотрению внутри- и внешнеполитических аспектов оформления компромиссного проекта решения греко-турецкого конфликта в виде «Мемуара» 1824 г., предполагавшего раздел Греции на Восточную, Западную и Южную и создание особых княжеств наподобие Дунайских, а также выявлению роли И. А. Каподистрии и М. М. Сперанского в его создании.

Ключевые слова: Российская империя, первая четверть XIX в., внешняя политика, греческий вопрос, Александр I, И. А. Каподистрия, М. М. Сперанский.

FOR CITATION

T. V. Andreeva. The question of Greek independence in Russia's foreign policy in the first quarter of the 19th century and M. M. Speransky // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, P. 126–139

Abstract: The article analyzes the process of transformation of Russian policy towards Greece in 1821–1825. The position of Alexander I in relation to the uprising led by A. K. Ypsilanti in Moldova and the Revolution in Greece itself is studied in the dynamics, context of revolutionary events in Europe and in close connection with the strengthening of the liberal paradigm in Russia. Special attention is paid to the identification of objective and subjective factors, the definition of ideological and foreign policy reasons for the unstable position of the Russian emperor in relation to Greece, consideration of domestic and foreign policy aspects of the design of a compromise draft solution to the Greek-Turkish conflict in the form of a "Memorandum" of 1824, which assumed the division of Greece into Eastern, Western and Southern and the creation of special principalities

like the Danube, identifying the role of I. A. Kapodistrias and M. M. Speransky in its creation.

Key words: the Russian Empire, the first quarter of the 19th century, foreign policy, the Greek question, Alexander I, I. A. Kapodistrias, M. M. Speransky.

Автор: **Андреева, Татьяна Васильевна** — д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Andreeva, Tatiana Vasilyevna** — doctor of historical sciences, leading researcher of the Department of Modern History of Russia at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru